

Звонок министра в канун праздника

С кинорежиссером Петром Тодоровским беседует
корреспондент «МН» Владимир Шевелев.

— Фильм «Анкор, еще анкор!» получил множество престижных премий, имел серьезную прессу, но видели его немногие. Наконец телевидение объявило, что картина будет идти 23 февраля. Однако произошла заминка — показ перенесли на следующий день. Не столь уж значительное событие породило много слухов и вызвало тревогу: не возвращается ли печальное прошлое? Что случилось на самом деле?

— Министр обороны Павел Грачев позвонил на телевидение и попросил не показывать фильм в День защитников Отечества.

— Велел?

— Просил. Вполне уважительно. Его просьбу поддержали руководители Общества ветеранов.

— У вас сложные отношения с армией?

— Армия — мои самые счастливые годы. Вспоминаю Саратовское военно-пехотное училище, как поднимали нас по тревоге, как мы отрабатывали наступление в зимних условиях и наступление в летних условиях... Был фронт, гибли товарищи, я видел много страшного. Но армия учила выдержке, терпению: сцепить зубы — и не канючить, не плакать... Я хорошо знаю военные городки — такие, как тот, что показан в фильме. В моей памяти живут люди, которые были моими соседями и друзьями и которых я очень люблю.

— Что же встревожило министра обороны?

— Я хотел рассказать правду о своей молодости. Начало 50-х. Армия возвращается из побежденной Германии. Заснеженный военный городок. Часовые, плац для учений, бараки, в которых живут семьи офицеров. Армия увидела в Европе другую жизнь. В обычном сельском доме — холодильник, ванна, туалет... К каждому хутору ведет мощеная дорога... Дома? Убогие бараки, жалкий быт. А главное, это режущее глаз несоответствие: как же так, мы сокрушили фашизм, мы мечтали о счастливой жизни, а дома сумасшедшее словословие одному человеку (как будто один Сталин выиграл войну!), доносительство, страх... Как сказал поэт: «В пехотном строю смело входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою...» Ничтожный «смершевец», тыловая крыса, оказывается главное боевое полковника, Героя Советского Союза, командира части... А сержанта, прошедшего всю войну, сажают в лагерь по навету машинистки особого отдела, с которой он не захотел переспать... И потому, наверное, здесь много пьют — из-за оскорбительного несоответствия мечты и действительности, из-за невозможности что-нибудь изменить. А раз так — пропади все пропадом, гори ясным огнем!

— Ваши оппоненты не отрицают, что «Анкор» — правдивый фильм. Но у них звучит другой аргумент: «На черта нам ваша правда, если она вредит делу воспитания молодежи?»

— Здесь — ловушка. Долгие годы армия была священной коровой. Нам повторяли: ни одна соринка да не коснется ее мундира. Помните фильм «Офицеры»? Сапоги сверкают, подворотнички на месте, пустышные конфликты, не успев обозначиться, быстро разрешаются отцами-командирами... А попытки сказать правду (в кино ли, в литературе ли) жестко пресекались. Говорят, что Малиновский — министр обороны СССР в 60-е годы — посмотрел «Мир входящему» — честный и добрый фильм (там советские солдаты спасают беременную немку) — и высказался вполне определенно: «Этот фильм надо уничтожить вместе с режиссером»... Но именно в эти годы и появляется в армии дедовщина. Она возникла не в «перестроечные» годы, когда стали делаться попытки гласно обсудить большие армейские проблемы. И во время войны, и в первые послевоенные годы ее не было. Был голод-холод, но издеваться над своим сверстником, унижать его? Наоборот, старшие старались помочь новобранцу. Никому в голову не приходило, что какая-то армейская часть начнет походить на тюрьму, где есть «пахан», «шестерки» и т.п. Дедовщина расцвела пыльным цветом именно в годы безгласия и показухи... Я думаю, что мощный фундамент для многих будущих общественных бед был заложен как раз в те годы, о которых рассказывает «Анкор, еще анкор!» Кто же не знал, что в конце войны и после старшие офицеры

везли из Германии одежду, посуду, мебель, антиквариат — вагонами и грузовиками. Даже герой фильма полковник — храбрый и совестливый — живет в доме, где на стенах немецкие картины и шкафы из Германии. Но говорить об этом вслух нельзя, закрытая тема... Когда безногих-безруких защитников Отечества в одночасье выкинули из Москвы на Валаам, ни одного слова не раздалось в защиту несчастных... А уж дальше, под эту молчанку пошло-поехало: солдаты начальнику огород копают, парники ставят, генералу дачу строят с бассейном, офицер особую группу сколотил и оружием торгует, уже и самолеты стали товаром, появились у нас и наемники, солдаты удачи... Если мы не научимся говорить правду, не перестанем загонять болезнь внутрь организма, никакой лекарь нам не поможет.

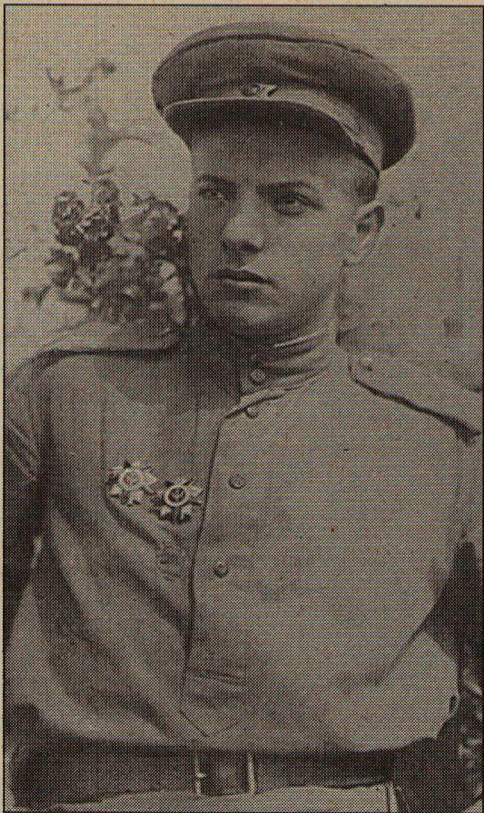
— Это относится не только к армейским делам.

— Конечно. Редкого начальника радует правда. Она для него почему-то всегда однобокая, невзвешенная, необъективная. Помню, как я показал первый вариант «Военно-полевого романа» и получил кучу поправок. Одна была замечательная: убрать все коммуналки! Это в послевоенные годы, когда почти вся страна жила в коммуналках!.. А когда известный кинорежиссер Леонид Лукков снял фильм о шахтерах, которые жили в бараках, работали в сырых шахтах, его просто раздавили. И он быстро-быстро снял другой фильм, где шахтеры жили в шикарных пятикомнатных квартирах с арками... Он испугался. И хотел жить.

Чего мы добились? Если судить по нашей литературе, кино, прессе прежних лет, у нас не было проституции, наркомании, детской смертности... Ничего не было. А когда стало возможно узнать, оказалось, что по всем этим печальным обстоятельствам на одном из первых мест в мире.

— Вы делали фильм о времени?

— Нет, о людях. Вернее будет так сказать: я

Петр ТОДОРОВСКИЙ: май 1945 года на Эльбе и рабочий момент съемок фильма «По главной улице с оркестром» — 1988 год.

снимал фильм о любви. О лейтенанте, который влюбился в молодую красивую жену полковника и, конечно, боится, потому что полковник может загнать его на «Трумэн-штрассе» — так называли новые взлетно-посадочные полосы, которые мы начали строить в тайге после фултоновской речи Черчилля. И полковник, который живет между молотом и наковальней: у него две жены — старая с довоенных лет, с двумя дочками, и молодая, которую он встретил на фронте и в которую влюбился без памяти. Он говорит: «Поздняя любовь — не дай тебе Бог!» И угрызения совести, и мучительные сомнения: наверное, с другим, молодым, лю-

моск. новости. - 1994 - 6-13 марта - с. 56

Кадр из фильма «Анкор, еще анкор!» Актеры Евгений МИРОНОВ и Валентин ГАФТ

бимая его женщина будет счастливее... И косые взгляды, и ханжеские ахи и охи... Разрубить тугий узел может, оказывается, только выстрел — себе в висок.

— Ваши актеры очень точно передают дух времени.

— Трудно было найти актера на роль полковника. А когда вспомнили о Гафте, обрадовались: он! Его печальные глаза, скрытое напряжение, даже некоторая скованность — в точку... А на роль лейтенанта я сначала хотел пригласить Меньшикова. Но он выглядит уж очень благополучным. Я не знаю, как он живет, но на вид кажется, что у него пятикомнатная квартира, «Вольво» и проч., и проч. Он — не из того времени. А Женя Миронов — да. Саратовский мальчик, работает в театре Табакова, преподает, «тянет» папу с мамой да еще сестру. Знает, почему фунт лиха. И — талант. Когда на него надели форму, я сразу понял: это счастье...

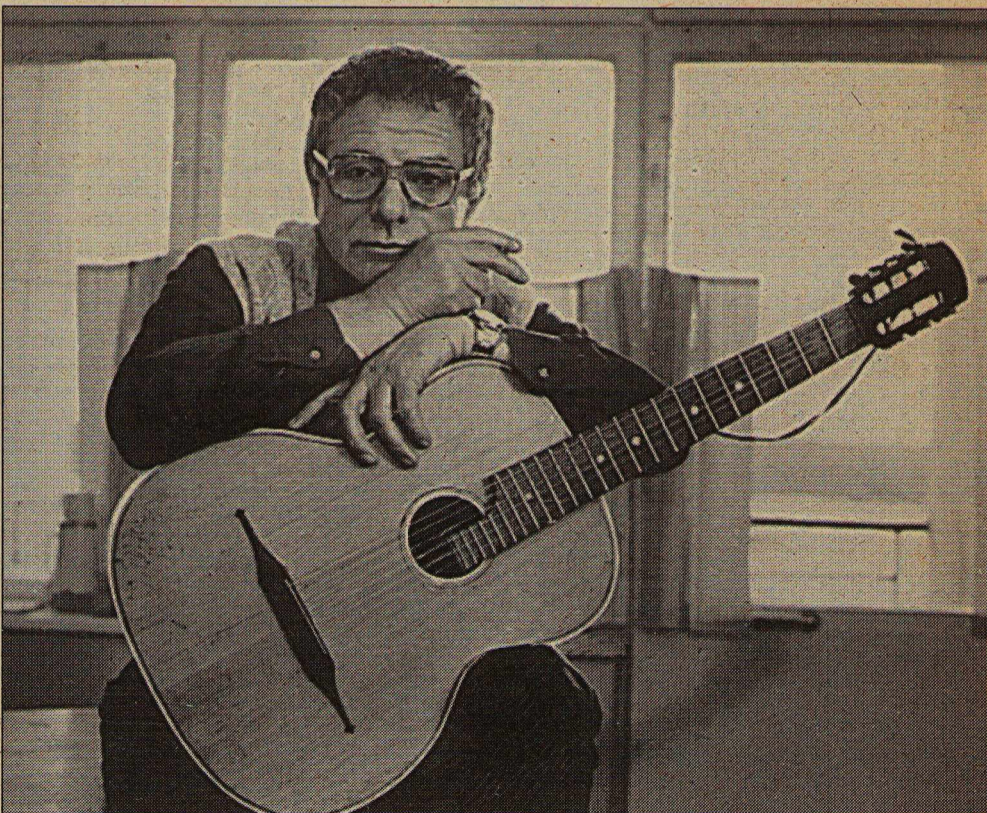
— А как встретили «Анкор» военные?

— По-разному. В кинотеатре «Россия» в Москве был просмотр. Сидим — несколько человек — в кабинете директора. Вдруг врывается полковник: «Кто режиссер?» — «Я вроде бы». Он: «Я в этих военных городках прожил 30 лет. Вот моя рецензия: что у тебя в картине, то и в жизни — один к одному...» Есть и другие мнения. В телепередаче «Времечко» сообщили, что недавно позвонил некий майор из Ростова, пообещал приехать в Москву и за-

стрелить Тодоровского... Я думаю, может быть, и вправду не надо было показывать «Анкор» в День защитников Отечества. Демократия, к которой мы стремимся, не стала бытом. Как сказал один умный человек, Ленинград еще не стал Петербургом. Люди не готовы к такому восприятию армейской жизни.

— Вы оптимист?

— Да. Во-первых, я рад, что мы дожили до времен, когда можно говорить о том, о чем раньше помалкивали. И генерал не запрещает категорически, не стучит кулаком по столу, а вежливо просит... Я рад, что снимаю новый фильм, хотя это сегодня невероятно трудное дело — нет средств. Даже наши лучшие — Хуциев, Климов, Панфилов — в простое. Мне повезло: «Анкор» получил высокую оценку, и Госкино финансирует съемки. У меня снимаются замечательные актеры... И еще важный повод для оптимизма: появилось новое поколение, совсем не похожее на наше. Я бы не стал делать фильм о поколении моего сына — хотя знаю его и люблю. Но знаю — недостаточно. Это совсем другие люди: в них гораздо меньше, чем в нас, покорности, готовности мириться с обстоятельствами, меньше рабства. Они — свободные люди... И потому я надеюсь дожить до того, что министру обороны даже в голову не придет хоть как-то заниматься организацией телепроката.

ДОСЬЕ «МН»

Тодоровский Петр Ефимович. Родился в 1925 г. Участник Великой Отечественной войны. Окончил ВГИК в 1954 г. Работал оператором (фильмы «Весна на Заречной улице», «Два Федора», «Жажда» и др.) Режиссер фильмов «Верность», «Фокусник», «Городской романс», «Своя земля» (по повести Ф.Абрамова), «Последняя жертва» (по А.Н.Островскому), «Любимая женщина механика Гаврилова», «По главной улице с оркестром», «Интердевочка», «Военно-полевой роман», «Анкор, еще анкор!» (картина получила «Нику» за лучший фильм года, главный приз на Всероссийском кинофестивале в Сочи). Народный артист РСФСР. Женат, сын — Валерий Тодоровский — тоже кинорежиссер. Живет в Москве.

Тодоровский Петр

13.03.94

20